

ОБЩИЕ СТИЛИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА)

А. А. МОРОЗОВ¹⁾

¹⁾Военная академия Республики Беларусь, пр. Независимости, 220, 220057, г. Минск, Беларусь

Представлено исследование стилей принятия решений военнослужащих в ходе адаптации англоязычного опросника *General decision making style* («Общие стили принятия решений») С. Дж. Скотт и Р. А. Брюса. Отмечены проблемные вопросы, характерные для предметной области исследований стилей принятия решений. Раскрыты теоретические основания включенных в опросник стилей, под которыми авторы понимают индивидуальные когнитивные стили, показана относительная упрощенность такого понимания. Осуществлен перевод опросника на русский язык, оценена с участием нескольких экспертов его содержательная валидность. Проведены анализ пунктов, оценка надежности по внутренней согласованности (α Кронбаха) и тест-ретестовым методом, проверка различных типов конструктивной валидности (факторной, конвергентной и дискриминантной). Полученные результаты соотнесены с исследованиями как зарубежных (относительно проверки психометрических свойств опросника), так и отечественных (верификация гипотезы Т. В. Корниловой о единой латентной переменной «Принятие неопределенности и риска» относительно включенности в нее интуитивных способностей) ученых. Продемонстрированы связи стилей принятия решений с интеллектуально-личностным потенциалом военнослужащих, представленным в настоящем исследовании шкалами опросников «Толерантность к неопределенности», «Личностные факторы решений» (опросник Т. В. Корниловой) и «Рефлексивность» (опросник А. В. Карпова). Определено, что доминирующими стилями принятия решений в смешанной выборке военнослужащих являются рациональный и интуитивный стили. Отмечено, что представленное исследование позволяет расширить исследовательский инструментарий белорусской и российской психологии в области изучения стилей принятия решений. Перспективным направлением для работы с использованием опросника является исследование стилей принятия решений разных профессиональных групп и его стандартизация, а относительно военнослужащих – построение структурной модели принятия решений разными категориями (курсантами, сержантами, офицерами).

Ключевые слова: стиль принятия решений; интеллектуально-личностный потенциал; военнослужащие; опросник; адаптация; надежность; валидность; корреляция.

GENERAL DECISION MAKING STYLES OF MILITARY PERSONNEL (ADAPTATION OF THE QUESTIONNAIRE)

А. А. MAROZAU^a

^aMilitary academy of the Republic of Belarus, 220 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220057, Belarus

The article presents a study of the decision-making styles of military personnel during adaptation of the English-speaking questionnaire «General decision making style» by S. J. Scott and R. A. Bruce. The problematic issues, which are characteristic of the research subject area in the decision-making styles, were noted. The theoretical foundations of the styles included in the questionnaire, under which the authors understand individual cognitive styles and show the relative simplicity of such an understanding, are disclosed. The questionnaire was translated into Russian, its content validity was evaluated with the participation of several experts, the analysis of the items, the evaluation of reliability by internal consistency (α -Cronbach)

Образец цитирования:

Морозов АА. Общие стили принятия решений военнослужащих (адаптация опросника). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;3:95–106.

For citation:

Marozau AA. General decision making styles of military personnel (adaptation of the questionnaire). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;3:95–106. Russian.

Автор:

Александр Александрович Морозов – заместитель начальника центра профессионального психологического отбора и сопровождения учебно-воспитательного процесса.

Author:

Alexander A. Marozau, deputy head of the center for professional psychological selection and support of the education process.
morozov_by@mail.ru

and the test-retest method was carried out, and various types of constructive validity (factor, convergent and discriminant) were tested. The obtained results are correlated with both foreign (regarding checking the questionnaire's psychometric properties) and native (verification of the hypothesis of T. V. Kornilova on a single latent variable «Acceptance of uncertainty and risk» regarding the inclusion of intuitive abilities in it) scientists' studies. Relationships between the decision-making styles and intellectual and personal potential of servicemen, which is represented in our study by scales of the questionnaires «Tolerance for uncertainty», «Personal Factors of Decisions» T. V. Kornilova and «Reflectivity» A. V. Karpov, are demonstrated. The dominant decision-making styles of the mixed sample of servicemen was determined: rational and intuitive. The presented article allows to expand research tools of Belarusian and Russian psychology in the field of decision-making styles study. Study of the decision-making styles of different professional groups and its standardization, and with respect to the military – building a structural decision-making model for their various categories (cadets, sergeants, officers) is promising area for working with the questionnaire.

Key words: decision-making style; questionnaire; adaptation; reliability; validity; military personnel.

Впервые понятие стиля было введено А. Адлером. Автор понимает стиль как индивидуальную стратегию поведения личности, необходимую для преодоления комплекса неполноценности [1, с. 18], т. е. как одну из личностных черт. Такое представление о стиле преобладало вплоть до середины прошлого века, пока не сменилось концепцией когнитивного стиля. В 1980-х гг. происходит значительная экспликация, гиперобобщение названного выше понятия. На современном этапе принято выделять стили деятельности, руководства, управления, поведения, общения, жизни, мышления, учения, саморегуляции, принятия решений, а также когнитивные, эмоциональные, педагогические и эмпирические стили [2]. В рамках настоящей статьи речь будет идти о концепции стиля принятия решений (далее – СПР) и методах его исследования.

Необходимо отметить ряд проблемных вопросов, присущих данной предметной области. Во-первых, отсутствует единый методологический подход к СПР и, как следствие, обнаруживаются недостаточная концептуализация понятия и разногласия в понимании содержания обозначенного выше конструкта. Кроме того, понятия «стиль руководства (лидерства)», «стиль управления» и «стиль принятия решений» нередко употребляются как синонимичные. Во-вторых, присутствует наиболее характерная для зарубежной психологии вариативность классификаций СПР, это, например, классификации А. Роу [3], К. Бруссо, М. Драйвера, Р. Ларссона и Г. Уриана [4], а также классификация И. Адизеса [5]. В-третьих, количество эмпирических исследований не соответствует количеству качественного (надежного и валидного) диагностического инструментария. Анализ отечественной литературы по заявленной проблематике за последние 25 лет показывает, что для диагностики непосредственно СПР в отдельных работах применяется опросник «Стили принятия управленческих решений» А. В. Карпова и Е. В. Марковой [6] (хотя проблематика СПР не является исключительно управленческой). Чаще всего исследователи обращаются либо к методикам, косвенно связанным с СПР (16-факторный личностный опросник

Р. Кэттелла, «Уровень субъективного контроля» или «Локус контроля», тест К. Томаса и др.), либо к проективным методикам, соотносимым затем с результатами деятельности испытуемых или экспертными оценками. При этом мы не рассматриваем тот инструментарий, который предназначен для диагностики принятия решений как личностного свойства (например, опросник «Личностные факторы решений»). Целью данной статьи является исследование СПР военнослужащих (в частности, анализ ведущих стилей данной профессиональной группы и изучение связей СПР с их интеллектуально-личностным потенциалом) и адаптация англоязычного опросника *Decision-making style* («стили принятия решений») С. Дж. Скотт и Р. А. Брюса [7]. Впрочем, в большинстве эмпирических работ в названии опросника присутствует слово *general* («общий») [8–10], что, на наш взгляд, подчеркивает универсальность данного диагностического инструментария, широко используемого в зарубежной исследовательской практике [11, с. 1053] (606 цитирований с момента разработки опросника в 1995 г. по данным *Google Scholar*).

Авторы опросника «Общие стили принятия решений» (далее – ОСПР) на основании анализа и обобщения предшествующих теоретических и эмпирических работ операционализировали рациональный, интуитивный, зависимый и избегающий стили. В дальнейшем ими был выделен пятый СПР, спонтанный, наличие которого подтверждалось последующими многочисленными исследованиями зарубежных ученых. *Рациональный СПР* характеризуется ориентацией на тщательный поиск и оценку альтернатив, логические и структурированные подходы. *Интуитивный СПР* предполагает опору на чувства и предчувствия. *Зависимый СПР* означает направленность на советы, консультации и поддержку других людей в ситуации принятия решения. *Избегающий СПР* отражает элиминативное поведение человека. *Спонтанный СПР* характеризуется импульсивностью, поспешностью и желанием завершить процесс принятия решения как можно быстрее. Указанные пять стилей не являются взаимоисключающими: допускается одновременное использование более одного стиля как

доминирующего. Каждая из шкал опросника включает в себя пять пунктов, ответы на которые даются по пятибалльной шкале, где 1 – «совершенно не согласен», а 5 – «совершенно согласен».

Анализ теоретических оснований, заложенных в понятие СПР авторами опросника, позволяет сделать два основных вывода:

1) СПР определяется как когнитивный стиль [7, с. 829];

2) концептуальная основа СПР окончательно не сформирована.

В связи с этим ряд зарубежных исследователей (С. Мохаммед, П. Тунхольм, А. Швол) высказывают сомнения относительно того, представляют ли СПР и когнитивный стиль одинаковый конструкт. В частности, П. Тунхольм приходит к выводу о том, что СПР, помимо обработки информации (благодаря чему его считают когнитивным стилем), включает в себя базовую самооценку и общую способность к саморегуляции, тем самым предполагая более широкое определение, которое будет учитывать личность принимающего решение в целом [12, с. 941]. В понимании П. Тунхольма СПР – это модель (англ. *pattern*) ответа, проявленная человеком в ситуации принятия решения [12, с. 941]. В таком случае, руководствуясь двухмерной матрицей когнитивных стилей Ч. Носала, можно предположить, что СПР соотносится с одним из трех следующих когнитивных стилей, представляющих модельный уровень переработки информации: когнитивная простота/сложность, толерантность к нереалистическому опыту, медленное/быстрое течение времени [13, с. 157]. Однако такое соотношение в данном случае будет достаточно условным, поскольку в полной мере не применимо к рассматриваемой нами модели СПР, выраженной пятью стилями опросника. По мнению П. Тунхольма, рациональный и интуитивный стили по ОСПР имеют большое сходство с аналитическими и интуитивными измерениями когнитивного стиля и, таким образом, являются беспроblemными с теоретической точки зрения [12, с. 934]. Соглашаясь с П. Тунхольмом, можно также предположить, что спонтанный СПР следует рассматривать как своего рода высокоскоростной интуитивный СПР [12, с. 934]. В таком случае три указанных стиля можно рассматривать именно как когнитивные, поскольку биполярность, по Уиткину, – одна из отличительных характеристик стиля [13, с. 160]. Однако неясными остаются концептуальные теоретические основания еще по двум СПР – зависимому и избегающему, – которые никак нельзя назвать биполярными. Кроме того, сомнения относительно однозначности понимания авторами опросника СПР когнитивных стилей вызывает еще одна отличительная стилевая особенность, которая, на наш взгляд, не присуща СПР: стиль – это инструментальная характеристика интеллектуальной деятельности. Тем

не менее, несмотря на указанные противоречия, исследователи сходятся во мнении, согласно которому и СПР, и когнитивный стиль могут выступать в качестве методов личностной оценки принятия решений и определять, в какой степени люди используют определенную стратегию или стиль [14, с. 253]. Таким образом, СПР можно рассматривать как своеобразный теоретический конструкт, которому присущи как личностные, так и когнитивные характеристики.

За годы, прошедшие с момента разработки опросника, были проведены исследования с применением ОСПР в таких странах, как США, Швеция, Италия, Китай, Великобритания, Румыния, Нидерланды и т. д. Неоднократно осуществлялась проверка факторной структуры опросника, внутренней согласованности шкал, а также выявлялись связи с личностными и когнитивными характеристиками различных категорий испытуемых. Для нас интерес представляют исследования СПР военнослужащих.

Первая группа испытуемых, на основании ответов которой авторы оценивали психометрические свойства разрабатываемого инструментария, состояла из 1441 офицера. Несколько позже С. Дж. Скотт и Р. А. Брюс включили в свое исследование выборки студентов и инженеров. По результатам многофакторного дисперсионного анализа были выявлены значимые различия в показателях СПР между группами: офицерский состав оказался более рационален, меньше полагался на интуицию и реже использовал элиминативную модель поведения [7, с. 830]. Корреляционный анализ позволил выявить положительную связь рационального и отрицательную избегающего и зависимого СПР с локусом контроля у офицеров.

Ряд исследований на выборке военнослужащих с применением ОСПР провел шведский ученый П. Тунхольм. На основе множественного регрессионного анализа он установил, что самооценка (базовая и заработанная) и саморегуляция как общая способность инициировать и поддерживать намерения имеют хоть и ограниченную, но все же существенную ценность в качестве предикторов СПР [12, с. 941]. Положительный вклад указанные характеристики вносят в предсказание рационального стиля, а отрицательный – в предсказание зависимого и избегающего стилей, кроме того, они не связаны с интуитивным и спонтанным СПР. В этой же статье со ссылкой на работы признанных экспертов (К. Клаузевица и М. В. Кревельда) в области военной стратегии и искусства П. Тунхольм выделяет наиболее важные характеристики ситуаций принятия решений, присущие деятельности военнослужащих: неопределенность, связанную с недостаточной информированностью; ограниченность времени принятия решений; высокую степень сложности ситуации [12, с. 935].

В другом исследовании этими учеными были установлены положительные корреляции базовой самооценки, шкалы контроля действий (саморегуляции), рационального стиля с социальной желательностью [15, с. 230]. В эмпирической работе по проверке взаимосвязей СПР и дистресса у офицеров П. Тунхольм пришел к выводу о том, что избегающий стиль выступает в качестве предиктора дистресса, в то время как спонтанный стиль оказался меньше связан со стрессом в данной категории испытуемых [16, с. 217]. При этом спонтанный СПР также коррелировал с возрастом: чем моложе офицер, тем чаще он использует этот СПР. Научный и практический интерес представляет исследование различий в СПР у военных руководителей и их подчиненных [17]. Для руководителей более характерен спонтанный стиль, а менее характерны рациональный, зависимый и избегающий стили [17, с. 321]. Кроме того, П. Тунхольм установил, что СПР, измеряемые с помощью опросника ОСПР, который является методикой самоотчета, совпадают с реальным наблюдаемым поведением испытуемых [17, с. 323], т. е. отражаемые на уровне самосознания офицера модели поведения в ситуации принятия решений соответствуют его поведению в реальной ситуации.

Анализ представленных работ показывает, что рациональный СПР может использоваться в качестве доминирующего преимущественно в условиях отсутствия временных ограничений для принятия решений, что в основном не характерно для деятельности военнослужащих. В то же время в условиях лимита времени основным СПР для военных руководителей является спонтанный стиль. Вместе с тем открытым остается вопрос о представленности в регуляции решений и выборов военнослужащих свойств, составляющих их интеллектуально-личностный потенциал и отражающих наиболее важные из указанных ранее характеристик СПР [12, с. 935]. В настоящем исследовании это – толерантность и интолерантность к неопределенности, рациональность и готовность к риску, а также рефлексивность.

Методика и процедура исследования. Исследование СПР и адаптация опросника ОСПР были проведены в три этапа. *Первый этап* предполагал следующие действия:

- децентрированный (симметричный) перевод опросника с английского языка на русский независимыми экспертами, владеющими языком оригинала (два профессиональных переводчика с опытом работы от 2 до 5 лет, два кандидата психологических наук, свободно владеющих английским языком);

- согласование переводов и создание предварительной версии опросника с привлечением двух специалистов кафедры русского языка и культуры

речи Военной академии Республики Беларусь (далее – Военная академия);

- оценка содержательной валидности русскоязычного варианта опросника двумя экспертами, в качестве которых выступили знакомые с проблемной областью принятия решений психологи с учеными степенями «кандидат» и «доктор наук» и опытом работы более 20 лет;

- обратный перевод опросника на язык оригинала, осуществленный преподавателем кафедры иностранных языков Военной академии, который имеет большой практический опыт работы переводчиком;

- пилотажное исследование с применением предварительного варианта опросника.

Второй этап включал в себя экспериментальную проверку эквивалентности перевода на группах билингвов. На *третьем этапе* была проведена оценка следующих психометрических свойств опросника:

- надежность определялась следующими методами: оценкой по внутренней согласованности (коэффициент α Кронбаха); ретестовым методом после повторного исследования (через три месяца), применялся коэффициент корреляции r Пирсона;

- конструктивная валидность – определение факторной структуры опросника, оценка конвергентной и дискриминантной валидности через корреляции со шкалами других опросников.

В качестве инструментария для оценки валидности и исследования СПР применялись методики как непосредственно связанные с принятием решений, так и отражающие на уровне самосознания в своих шкалах свойства, входящие в интеллектуально-личностный потенциал человека согласно функционально-уровневой концепции принятия решений Т. В. Корниловой:

- опросник «Личностные факторы решений» Т. В. Корниловой, состоящий из двух шкал: «рациональность» и «готовность к риску». В контексте опросника «рациональность» означает готовность обдумывать свои решения и действовать при полной ориентировке в ситуации, а «готовность к риску» – решительность действий и готовность к принятию решений в ситуациях неопределенности с недостатком информации. При этом оба указанных свойства выступают в качестве свойств саморегуляции при принятии решений в широком контексте жизненных ситуаций;

- «Стиль принятия управленческих решений» Е. В. Марковой и А. В. Карпова. Под стилем принятия управленческих решений понимается устойчивый и предпочитаемый конкретным руководителем способ поведения в проблемной ситуации. Переменная стиля принятия управленческих решений представлена двумя конструктами второго порядка: личностной позицией руководителя в проблемной

ситуации (шкала «Поведение в проблемной ситуации») и его отношением к подчиненным как к субъектам решения (шкала «Властность»). «Поведение в проблемной ситуации» – это континуум стратегий руководителя в ситуации принятия решений, крайние полюсы которого представлены двумя позициями: негативное отношение к ситуации принятия решений, ее избегание (элиминация) и, напротив, принятие проблемной ситуации вплоть до ее продуцирования. Эта шкала отражает специфику процесса принятия управленческих решений как индивидуального выбора. «Властность» – континуум стратегий поведения руководителя по отношению к подчиненным, один полюс властности представлен жесткой требовательностью и отказом от привлечения подчиненных к принятию решений, а другой – максимально выраженной либеральностью. Властность отражает специфику процесса принятия управленческих решений как интериндивидуального (группового) выбора;

- новый опросник «Толерантность к неопределенности» Т. В. Корниловой. Он включает в себя три шкалы: «толерантность к неопределенности», «интолерантность к неопределенности» и «межличностная интолерантность к неопределенности». Толерантность к неопределенности в контексте опросника означает стремление к изменениям, новизне и оригинальности, предпочтение более сложных задач, самостоятельность и выход за рамки принятых ограничений. Интолерантность к неопределенности подразумевает стремление к ясности и упорядоченности во всем. Межличностная интолерантность к неопределенности – стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях;

- опросник «Рефлексивность» А. В. Карпова. В понимании автора опросника вынесенное в название качество является обобщенным, присущим как когнитивной, так и личностной сферам;

- «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина с соавторами, представленный в настоящей работе шкалой общей интернальности. Применялся вариант А методики, предназначенный для исследовательских целей. Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о высоком уровне субъек-

тивного контроля над значимыми ситуациями, что соотносится с представлениями людей об их ответственности за такие ситуации и за свою жизнь в целом;

- «16-факторный личностный опросник» Р. Кеттелла, форма С.

Обработка данных осуществлялась в системе IBM SPSS Statistics 19.

Контингент испытуемых. В исследовании приняли участие 456 человек, из них 80 респондентов вошли в группу для проведения пилотажного (предварительного) исследования, 35 человек, владеющих двумя языками, составили выборку для проверки эквивалентности перевода, 50 – выборку для проведения тест-ретеста, а 341 – выборку для оценки психометрических свойств опросника и исследования СПР. На всех этапах, за исключением оценки эквивалентности перевода опросника, испытуемые составляли смешанную выборку военнослужащих. В число респондентов входили курсанты и сержанты 1–3-х курсов технических специальностей, офицерский состав батальонов курсантов. Группа билингвов состояла из 35 студентов 3-го и 5-го курсов (25 и 10 человек соответственно) БГУ, обучающихся по специальностям «Международное право» и «Современные иностранные языки».

Результаты и их обсуждение. Предварительный русскоязычный вариант опросника был апробирован в ходе пилотажного исследования на выборке из 80 курсантов. Цель исследования – проверка реакции испытуемых на утверждения опросника, оценка дискриминативности пунктов и внутренней согласованности шкал. В дальнейшем вопросы дискриминативности и внутренней согласованности проверялись повторно на другой выборке, состоявшей из 341 военнослужащего, в ходе психометрической оценки опросника.

Оценка дискриминативности пунктов ОСПР осуществлялась путем вычисления коэффициента корреляции r Пирсона каждого пункта с общим баллом по соответствующей шкале. Для проверки внутренней согласованности шкал опросника, как было отмечено ранее, применялся коэффициент α Кронбаха (табл. 1).

Таблица 1

Данные о надежности-согласованности русскоязычного варианта опросника ОСПР

Table 1

Data on the reliability-consistency of the Russian-language version of the GDMS questionnaire

Наименование шкалы	Группы испытуемых	Количество испытуемых	Дискриминативность пунктов, r	Коэффициент Кронбаха, α
Рациональный СПР	Пилотажная группа	80	0,603** – 0,779**	0,735
Интуитивный СПР			0,493** – 0,745**	0,714
Зависимый СПР			0,328** – 0,781**	0,672
Избегающий СПР			0,707** – 0,849**	0,845
Спонтанный СПР			0,588** – 0,748**	0,777
Опросник в целом			–	0,807

Окончание табл. 1
Ending table 1

Наименование шкалы	Группы испытуемых	Количество испытуемых	Дискриминативность пунктов, r	Коэффициент Кронбаха, α
Рациональный СПР	Группа для оценки психометрических свойств	341	0,773 ^{**} – 0,872 ^{**}	0,876
Интуитивный СПР			0,567 ^{**} – 0,862 ^{**}	0,801
Зависимый СПР			0,644 ^{**} – 0,821 ^{**}	0,777
Избегающий СПР			0,725 ^{**} – 0,810 ^{**}	0,830
Спонтанный СПР			0,563 ^{**} – 0,776 ^{**}	0,707
Опросник в целом			–	0,755

^{**} – $p < 0,01$.

Полученные данные свидетельствуют о надежности опросника (коэффициент α Кронбаха имеет «хороший» (0,8 и более) и «приемлемый» (0,7 и более) уровни) и согласуются с результатами зарубежных исследователей [7; 12; 18].

Показатели надежности опросника ОСПР, полученные на этапе пилотажного исследования, позволили без переформулировок его пунктов перейти

к этапу проверки эквивалентности перевода на группах билингвов. Первой группе (18 человек) сначала предъявлялся русскоязычный вариант опросника, а затем – англоязычный. Второй группе (17 человек) – наоборот. Высокие коэффициенты корреляции между одноименными шкалами русского и английского вариантов опросника (табл. 2) подтверждают эквивалентность перевода.

Таблица 2

Корреляции между русским и английским вариантами опросника

Table 2

Correlations between the Russian and English variants of the questionnaire

Наименование шкалы	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p
Рациональный СПР	0,832	< 0,01
Интуитивный СПР	0,796	
Зависимый СПР	0,890	
Избегающий СПР	0,910	
Спонтанный СПР	0,845	
Опросник в целом	0,926	

Необходимо отметить, что при адаптации опросника ОСПР на шведской и итальянской выборках [12; 18] зарубежные исследователи не предоставляли информацию об этапе перевода опросника и проверке его эквивалентности оригиналу. Окончательный вариант перевода опросника представлен в табл. 3.

На заключительном этапе адаптации оценивались психометрические свойства опросника. На выборке военнослужащих (341 человек), не участвовавших в пилотажном исследовании, повторно были оценены дискриминативность пунктов и внутренняя согласованность (см. табл. 1). Кроме того, была проверена ретестовая надежность ОСПР (50 человек). Для проведения повторного тестирования был выбран временной интервал в три месяца. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, в ходе анализа 20 эмпирических исследований с применением ОСПР (в том числе авторов опросника) не удалось обнаружить информа-

цию о его ретестовой надежности, вследствие чего мы не могли опираться в этом вопросе на работы зарубежных исследователей. Во-вторых, для проверки этого типа надежности, как правило, «стремятся выбирать непродолжительные временные интервалы» [19, с. 272]. Коэффициенты корреляции ретестовой надежности адаптируемого опросника достаточно высоки (табл. 4) и варьируются от 0,649 по шкале спонтанного СПР до 0,896 по опроснику в целом, что подтверждает стабильность измеряемых стилей и их устойчивость к повторному тестированию.

Таким образом, адаптируемый инструментальный опросник ОСПР по результатам проверки (дискриминативность пунктов, внутренняя согласованность, повторное тестирование) обладает достаточно высокой надежностью.

Первым шагом в оценке конструктивной валидности опросника стало установление его факторной структуры. Основываясь на результатах предыду-

щих эмпирических работ, мы ограничились проверкой пятифакторной модели, поскольку именно такая структура подтверждалась как авторами опросника, так и многими зарубежными исследователями. Адекватность применения эксплораторного факторного анализа к полученным эмпирическим данным подтверждалась значением коэффициента Кайзера – Мейера – Олкина (0,82) и значимостью коэффициента сферичности Бартлетта (3431,88;

$df = 300; p < 0,01$). Для проведения анализа был использован метод максимального правдоподобия с последующим варимакс-вращением и нормализацией по Кайзеру. Значения факторных нагрузок менее 0,3 в анализ не включались. Выделенные в исследовании пять факторов объясняют 50 % общей дисперсии (по данным С. Дж. Скотт и Р. А. Брюса – 45 % [7, с. 823]) и в целом не вызывают затруднений в интерпретации (табл. 5).

Таблица 3

Пункты русскоязычного варианта опросника ОСПР С. Дж. Скотт и Р. А. Брюса

Table 3

Items of the Russian-language version of the GDMS questionnaire S. J. Scott and R. A. Bruce

Стиль принятия решений	№ п/п	Соответствующие пункты
Рациональный	1	Я тщательно планирую свои важные решения
	2	Перед принятием решений я всегда перепроверяю свои источники информации, чтобы быть уверенным в том, что я располагаю необходимыми фактами
	3	Я принимаю важные решения методично и опираясь на логику
	4	Мое принятие решений требует серьезного обдумывания
	5	Принимая решения, я рассматриваю различные варианты, исходя из конкретной цели
Интуитивный	6	Принимая решения, я полагаюсь на свои предчувствия
	7	Когда я принимаю важные решения, я склонен полагаться на свою интуицию
	8	Я обычно принимаю решения, которые кажутся мне верными
	9	Когда я принимаю решение, для меня важнее чувствовать правильность принятия решения, чем рационально объяснить, почему я его принял
	10	Когда я принимаю решение, я доверяю своим внутренним чувствам
Зависимый	11	Когда принимаю важные решения, я часто прислушиваюсь к мнению других людей
	12	Я редко принимаю важные решения, не консультируясь с другими людьми
	13	Если у меня есть поддержка других, то мне легче принимать важные решения
	14	При принятии важных решений я пользуюсь советами других людей
	15	Когда я сталкиваюсь с важными решениями, я предпочитаю присутствие кого-то, кто направит меня по верному пути
Избегающий	16	Я избегаю принятия важных решений до тех пор, пока на меня не оказывается давление
	17	Я откладываю принятие решений, когда это возможно
	18	Когда приходит время принятия важных решений, я часто откладываю их на потом
	19	Я обычно принимаю важные решения в последнюю минуту
	20	Я откладываю принятие многих решений, потому что размышления о них вызывают у меня тревогу
Спонтанный	21	Я обычно принимаю спонтанные решения
	22	Я часто принимаю решения, не раздумывая
	23	Я обычно быстр при принятии важных для меня решений
	24	Я часто принимаю импульсивные решения
	25	Принимая решения, я делаю то, что представляется мне естественным в данный момент

Таблица 4

Коэффициенты корреляции ретестовой надежности опросника ОСПР

Table 4

Correlation coefficients of retest reliability correlation GDMS

Наименование шкалы	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p
Рациональный СПР	0,733	< 0,01
Интуитивный СПР	0,664	
Зависимый СПР	0,786	
Избегающий СПР	0,757	
Спонтанный СПР	0,649	
Опросник в целом	0,896	

Таблица 5

Факторная структура опросника ОСПР (после вращения)

Table 5

Factor structure of the GDMS questionnaire (after rotation)

Пункт опросника	Фактор				
	1	2	3	4	5
1	0,664	–	–	–	–
2	0,833	–	–	–	–
3	0,851	–	–	–	–
4	0,725	–	–	–	–
5	0,737	–	–	–	–
6	–	–	0,758	–	–
7	–	–	0,790	–	–
8	–	–	0,457	–	–
9	–	–	0,550	–	–
10	–	–	0,722	–	–
11	–	–	–	0,707	–
12	–	–	–	0,489	–
13	–	–	–	0,526	–
14	–	–	–	0,855	–
15	–	–	–	0,612	–
16	–	0,569	–	–	–
17	–	0,659	–	–	–
18	–	0,785	–	–	–
19	–	0,764	–	–	–
20	–	0,696	–	–	–
21	–	0,503	–	–	0,567
22	–	0,469	–	–	0,533
23	–	–	–	–	0,529
24	–	–	–	–	0,686
25	–	–	–	–	0,365

Первый фактор объясняет 12,6 % дисперсии и образован исключительно пунктами шкалы «Рациональный СПР». Третий и четвертый факторы объясняют 9,5 и 8,9 % общей дисперсии и аналогично фактору 1 образованы пунктами шкал «Интуитивный СПР» и «Зависимый СПР» соответственно. Второй фактор объясняет 12,4 % общей дисперсии и помимо пяти пунктов шкалы «Избегающий СПР» включает в себя с меньшими нагрузками пункты 21 («Я обычно принимаю спонтанные решения») и 22 («Я часто принимаю решения, не раздумывая»), также входящие в пятый фактор (6,6 % дисперсии), который, в свою очередь, образован только пунктами шкалы «Спонтанный СПР». Таким образом, указанные пункты с примерно одинаковыми факторными нагрузками входят одновременно в два фактора. Этот результат, очевидно, означает, что в сознании испытуемых подобные действия при принятии решений соотносятся не только со скоростью их реализации (спонтанностью), но и со стремлением снять с себя ответственность за данные решения, избавиться от этого бремени, что характерно для избегающего СПР. Определенная несогласованность факторной структуры опросника была обнаружена и в исследованиях зарубежных ученых. Например, в исследовании Э. Гамбетти с соавторами (Италия) два пункта, изначально относящиеся к шкале «Спонтанный СПР», также вошли в фактор, интерпретируемый как «Интуитивный СПР» [18, с. 849]. В совместном исследовании П. Кюрси (Румыния) и С. Шруер (Нидерланды) два пункта шкалы «Зависимый СПР» вошли в фактор, образованный пунктами шкалы «Спонтанный СПР» [11, с. 1057]. В целом можно констатировать, что пятифакторная модель ОСПР в настоящей работе также подтверждается, а отдельные различия в факторных нагрузках, полученные в исследованиях, отражают особенности субъективных репрезентаций выборов испытуемых относительно характеристик, изучаемых с помощью опросника.

Конвергентная валидность ОСПР определялась наличием прямых и обратных связей между СПР, с одной стороны, и шкалами методик, прошедших психометрическую проверку и подобранных, исходя из анализа теоретических источников, результатов эмпирических исследований и целей настоящей работы (новый опросник «Толерантность к неопределенности» Т. В. Корниловой, опросник «Личностные факторы принятия решений», «Стили принятия управленческих решений», «Рефлексивность» А. В. Карпова, «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина с соавторами и «16-факторный личностный опросник» Р. Кеттелла) – с другой. Дискриминантная валидность подтверждалась отсутствием значимых корреляций СПР с теми показателями методик, с которыми не предполагается теоретическая связь. Перед определением указанных видов валидности распределение «сы-

рых» баллов по шкалам опросников проверялось на соответствие нормальному виду по критериям асимметрии и эксцесса. По всем шкалам, за исключением шкал «Рациональный СПР» и «Интолерантность к неопределенности», значения асимметрии и эксцесса находились в диапазоне от -1 до $+1$, что в целом соответствует нормальному виду [20, с. 117]. Исходя из этого было проведено ранжирование баллов по шкалам, в ходе исследования и определения валидности применялся коэффициент r_s Спирмена.

Рациональный СПР ($M = 21,4$; $\sigma = 3,36$) положительно коррелирует с рациональностью по опроснику «Личностные факторы принятия решений», властью и поведением в проблемной ситуации по опроснику «Стили принятия управленческих решений», интолерантностью к неопределенности, рефлексивностью, общей интернальностью по «Уровню субъективного контроля», эмоциональной стабильностью (С), нормативностью поведения (G), смелостью (H), радикализмом (Q_1), самоконтролем (Q_3) и самооценкой (MD) (диапазон значений корреляций коэффициента r_s Спирмена от 0,15 до 0,36 ($p < 0,01$)). Напротив, отрицательные связи установлены с межличностной толерантностью к неопределенности, подозрительностью (L), мечтательностью (M), неконформизмом (Q_2) и напряженностью (Q_4) по тесту Р. Кеттелла (вариабельность значений от $-0,11$ ($p < 0,05$) до $-0,21$ ($p < 0,01$)). Полученные результаты согласуются с исследованием рационального СПР и локуса контроля авторами опросника [7]: чем выше рациональность при принятии решений, тем более интернален человек. Кроме того, интернальность предполагает уверенность в себе, высокую самооценку, решительность, самостоятельность и, как следствие этих качеств, доверчивость и расслабленность. В части, касающейся связи рационального СПР с самооценкой, результаты, полученные нами, согласуются с данными П. Тунхольма [12]. Корреляцию рационального стиля с рациональностью (по опроснику «Личностные факторы решений») можно рассматривать как критериальную валидность названной шкалы. Подтверждением дискриминантной валидности является отсутствие связи с готовностью к риску.

Конвергентную и дискриминантную валидность шкалы *интуитивный СПР* ($M = 18,3$; $\sigma = 3,91$) подтверждает отсутствие связи с рациональностью ($r_s = 0,00$; $p = 0,98$) и наличие связи с готовностью к риску ($r_s = 0,23$; $p < 0,01$). Кроме того, этот стиль положительно взаимосвязан с толерантностью к неопределенности, интолерантностью к неопределенности и доминантностью (E) и отрицательно взаимосвязан с поведением в проблемной ситуации и общей интернальностью по опроснику «Уровень субъективного контроля» (значения коэффициента корреляции – от 0,12 ($p < 0,05$) до 0,23 ($p < 0,01$)). Одновременная связь *интуитивного СПР* с толерант-

ностью к неопределенности и интолерантностью к неопределенности не является противоречивой, поскольку эти свойства, согласно Т. В. Корниловой, не являются полярными, а образуют разные факторы. Кроме того, нами была установлена слабая, но значимая корреляция между интуитивным и рациональным СПР ($r_s = 0,13$; $p < 0,05$), что, с одной стороны, не исключает возможности взаимовлияния стилей, а с другой – предполагает опору военнослужащих в ситуации принятия решений одновременно и на интуицию (предчувствия), и на рациональность. Данный результат не является противоречивым и согласуется с положением об эмпирической вероятности сочетания указанных СПР, выдвинутого Р. Г. Хантом с соавторами [21]. Корреляция интуитивного СПР с толерантностью к неопределенности и готовностью к риску, в свою очередь, согласуется с гипотезой Т. В. Корниловой о единой латентной переменной «Принятие неопределенности и риска», которая включает в себя готовность к риску, толерантность к неопределенности и доверие интуиции (шкалы опросника С. Эпстайна) [22].

Отсутствие корреляции *зависимого СПР* ($M = 17,2$; $\sigma = 3,69$) с общей интернальностью по «Уровню субъективного контроля» не согласуется с результатами исследования авторов опросника [7], которые выявили отрицательную связь указанных характеристик и на основании этого пришли к выводу о том, что данный стиль присущ экстерналам. Результаты нашего исследования позволяют предположить, что военнослужащим с зависимым СПР могут быть присущи как интернальный, так и экстернальный уровни субъективного контроля. Остальные связи прямо или косвенно подтверждают валидность шкалы «Зависимый СПР». Слабая, но значимая корреляция с дипломатичностью (N) ($r_s = -0,18$; $p < 0,01$) является свидетельством непосредственности и сентиментальности, отсутствия расчетливости и искушенности, что вполне может предполагать зависимое поведение. Прямым подтверждением конвергентной валидности является отрицательная связь шкалы «Зависимый СПР» с неконформизмом (Q_2): ($r_s = -0,14$; $p < 0,01$), а также с поведением в проблемной ситуации ($r = -0,12$; $p < 0,05$), поскольку по данным авторов опросника «Стиль принятия управленческих решений», указанный конструкт включает в себя, помимо прочих, такие личностные характеристики, как «решительность», «ответственность» и «мотивация достижений», а в числе когнитивно-стилевых характеристик находятся «когнитивно-поисковая активность», «степень риска» и «склонность к неопределенности» [6, с. 31]. Верификацией дискриминантной валидности зависимого СПР, по нашему мнению, является отсутствие значимых связей с факторами A (замкнутость – общительность),

F (сдержанность – экспрессивность) и M (практичность – мечтательность) по тесту Р. Кеттелла.

Избегающий СПР ($M = 10,9$; $\sigma = 3,86$) имеет положительные связи с межличностной интолерантностью к неопределенности, подозрительностью (L), тревожностью (O), неконформизмом (Q_2) и напряженностью (Q_4) (диапазон значений корреляций от 0,16 до 0,28, все при $p < 0,01$). Если четыре из указанных связей подтверждают конвергентную валидность шкалы «Избегающий СПР», то положительная корреляция с фактором Q_2 не соответствует традиционным представлениям о нем. Проясняют выявленное несоответствие положительные связи факторов L и O с Q_2 : подозрительность (L) предполагает излишние сомнения, недоверие, а также повышенную тревожность (O), которые, несомненно, могут быть характерны для личности, избегающей принятия решений, в таком случае положительная связь рассматриваемого стиля с неконформизмом может быть следствием влияния указанных личностных черт и не выглядит противоречиво. Множественные отрицательные связи с рациональностью, поведением в проблемной ситуации, интолерантностью к неопределенности, рефлексивностью, общей интернальностью по «Уровню субъективного контроля», самооценкой (MD), общительностью (A), эмоциональной стабильностью (C), нормативностью поведения (G), смелостью (H), дипломатичностью (N), радикализмом (Q_1) и высоким самоконтролем (Q_3) (вариабельность значений коэффициента корреляции от $-0,11$ до $-0,32$) также являются подтверждением конвергентной валидности шкалы. Кроме того, корреляции данного стиля с интернальностью и самооценкой согласуются с исследованиями зарубежных авторов [7; 12]. Судя по выявленным взаимосвязям избегающего СПР, можно предположить его полярность рациональному СПР, корреляции которого со шкалами опросников, используемых в исследовании, практически идентичны, но имеют противоположную направленность. Это предположение отчасти подтверждает и значимая отрицательная связь между указанными стилями ($r_s = -0,33$; $p < 0,01$). Дискриминантная валидность верифицируется отсутствием значимых связей с факторами B (конкретное мышление – абстрактное мышление), F (сдержанность – экспрессивность) и M (практичность – мечтательность) по тесту Р. Кеттелла, а также с готовностью к риску как личностному свойству саморегуляции при принятии решений по опроснику «Личностные факторы принятия решений».

О конвергентной валидности шкалы *Спонтанный СПР* ($M = 13,3$; $\sigma = 3,51$) можно судить на основании ее связей с готовностью к риску, доминантностью (E), экспрессивностью (F), подозрительностью (L) и напряженностью (Q_4) (значения коэффициента корреляции от 0,11 ($p < 0,05$) до 0,24

($p < 0,01$). Отрицательные корреляции шкалы с рациональностью, поведением в проблемной ситуации, рефлексивностью, общей интернальностью по «Уровню субъективного контроля», самооценкой (MD), эмоциональной стабильностью (C), нормативностью поведения (G), дипломатичностью (N), радикализмом (Q_1) и высоким самоконтролем (Q_3) (вариабельность значений коэффициента корреляции от $-0,11$ до $-0,28$) также верифицируют этот тип валидности. По результатам корреляционного анализа можно, в частности, согласиться с мнением П. Тунхольма относительно того, что спонтанный СПР следует рассматривать как высокоскоростной интуитивный СПР, поскольку были выявлены аналогичные связи с готовностью к риску, доминантностью и рядом других показателей по обоим стилям. Кроме того, обнаружена и значимая положительная связь между этими стилями ($r_s = 0,15$; $p < 0,01$). Тем не менее в представлении испытуемых спонтанный стиль соотносится, скорее, с избегающим, чем с интуитивным стилем, подтверждением этому является величина коэффициента их корреляции ($r_s = 0,31$; $p < 0,01$), а также результат факторного анализа. Дискриминантная валидность установлена отсутствием значимых связей с факторами А (замкнутость – общительность), В (конкретное мышление – абстрактное мышление), I (жесткость – чувствительность), М (практичность – мечтательность), Q_1 (консерватизм – радикализм) и Q_2 (конформизм – неконформизм).

Заключительным этапом адаптации теста, как правило, является его стандартизация. Однако ввиду отклонения распределения от нормального вида по шкале «Рациональный СПР», а также специфики выборки испытуемых, этот этап не проводился и опросник ОСПР выступает в качестве исследовательской методики, что вполне допустимо.

Таким образом, в процессе исследования был получен новый для отечественной психологии исследовательский инструмент, обладающий хорошими психометрическими характеристиками и предназначенный для изучения СПР. Было выявлено, что военнослужащие при принятии решений чаще опираются на рациональный и интуитивный стили. Определены связи СПР с интеллектуально-личностным потенциалом испытуемых. Через корреляции с показателями опросников, используемых в исследовании, были уточнены концептуальные основания СПР. Можно констатировать, что все они (за исключением зависимого СПР) предполагают саморегуляцию при принятии решений, связаны с уровнем субъективного контроля и интеллектуально-личностным потенциалом военнослужащих. Перспективным направлением дальнейшей работы является исследование СПР различных профессиональных групп и стандартизация опросника, а относительно нашей выборки – построение структурной модели принятия решений разными категориями военнослужащих (курсантами, сержантами и офицерами).

Библиографические ссылки

1. Холодная МА. *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*. Санкт-Петербург: Питер; 2004.
2. Толочек ВА. Стили профессиональной деятельности в условиях взаимодействия субъектов. *Психологический журнал*. 2000;21(3):96–103.
3. Rowe AJ, Mason OR. *Managing with style: a guide to understanding, assessing, and improving decision making*. San Francisco: Jossey-Bass; 1987. p. 189–198.
4. Бруссо К, Драйвер М, Ларссон Р, Уриан Г. Как принимают решения опытные начальники. *Harvard Business Review. Россия*. Апрель 2006: 74–85.
5. Адизес ИК. *Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что из этого следует*. Гутман Т, переводчик. Москва: Альпина Бизнес Букс; 2007.
6. Карпов АВ, Маркова ЕВ. *Психология стилей управленческих решений*. Ярославль: Открытое общество; 2003.
7. Scott SG, Bruce RA. Decision-making style: the development and assessment of a new measure. *Educational and Psychological Measurement*. 1995;55(5):818–831. DOI: 10.1177/0013164495055005017.
8. Baiocco R, Laghi F, D'Alessio M. Decision-making style among adolescents: relationship with sensation seeking and locus of control. *Journal of Adolescence*. 2009;32(4):963–976. DOI: 10.1016/j.adolescence.2008.08.003.
9. Sadler-Smith E. Cognitive style of the management of small and medium-sized enterprises. *Organizational Studies Journal*. 2004;25(2):155–181.
10. Spicer DP, Sadler-Smith E. An examination of the general decision making style questionnaire in two UK samples. *Journal of Managerial Psychology*. 2005;20(2):137–149.
11. Curşeu PL, Schreijer S. Decision styles and rationality: an analysis of the predictive validity of the general decision-making style inventory. *Education and Psychology Measurement Journal*. 2012;72(6):1053–1062. DOI: 10.1177/0013164412448066.
12. Thunholm P. Decision-making style: habit, style or both? *Personality and Individual Differences Journal*. 2004;36(4):931–944.
13. Лобанов АП. *Интеллект и когнитивные стили*. Орша: Диалъ; 2006.
14. Appelt KC. The decision making individual differences inventory and guidelines for the study of individual differences in judgment and decision-making research. *Judgment and Decision Making*. 2011;6(3):252–262.
15. Thunholm P. Social desirability in personality testing of military officers. *Military Psychology*. 2001;13(4):223–234. DOI: 10.1207/S15327876MP1304_3.
16. Thunholm P. Decision-making styles and physiological correlates of negative stress: is there a relation? *Scandinavian Journal of Psychology*. 2008;49(3):213–219. DOI: 10.1111/j.1467-9450.2008.00640.x.
17. Thunholm P. Military leaders and followers – do they have different decision styles? *Scandinavian Journal of Psychology*. 2009;50(4):317–324. DOI: 10.1111/j.1467-9450.2009.00714.x.

18. Gambetti E, Fabbri M, Bensi L, Tonetti L. A contribution to the Italian validation of the general decision-making style inventory. *Personality and individual differences*. 2008;44(4):842–852. DOI: 10.1016/j.paid.2007.10.017.
19. Бурлачук ЛФ. *Словарь-справочник по психодиагностике*. Санкт-Петербург: Питер; 2007.
20. Наследов АД. *SPSS 19: профессиональный статистический анализ данных*. Санкт-Петербург: Питер; 2011.
21. Hunt RG. Cognitive style and decision-making. *Organization Behavior and Human Decision Processes*. 1989;44(3):436–453.
22. Корнилова ТВ. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляций решений и выборов. *Психологический журнал*. 2013;34(3):89–100.

References

1. Holodnaya MA. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. About the nature of the individual mind]. Saint Petersburg: Piter; 2004. Russian.
2. Tolocheck VA. Stili professional'noi deyatel'nosti v usloviyakh vzaimodeystviya sub'ektov [The styles of professional activity in the conditions of subjects interaction]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology Journal]. 2000;21(3):96–103. Russian.
3. Rowe AJ, Mason OR. *Managing with style: a guide to understanding, assessing, and improving decision making*. San Francisco: Jossey-Bass; 1987. p. 189–198.
4. Brusov K, Driver M, Larsson R, Urian G. Kak prinyimayut resheniya opytnye nachal'niki [How experienced managers make decisions]. *Harvard Business Review – Russia*. 2006 April;74–85. Russian.
5. Adizes IK. *The ideal executive: Why you cannot be one at and what to do about it*. Santa Barbara: The Adizes Institute Publishing; 2004.
Russian edition: Adizes IK. *Ideal'nyi rukovoditel': pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduet*. Gutman T, translator. Moscow: Al'pina Business Books; 2007.
6. Karpov AV, Markova EV. *Psikhologiya stilei upravlencheskikh reshenii* [Psychology of management decision styles]. Yaroslavl': Otkrytoe obshchestvo; 2003. Russian.
7. Scott SG, Bruce RA. Decision-making style: the development and assessment of a new measure. *Educational and Psychological Measurement*. 1995;55(5):818–831. DOI: 10.1177/0013164495055005017.
8. Baiocco R, Laghi F, D'Alessio M. Decision-making style among adolescents: relationship with sensation seeking and locus of control. *Journal of Adolescence*. 2009;32(4):963–976. DOI: 10.1016/j.adolescence.2008.08.003.
9. Sadler-Smith E. Cognitive style of the management of small and medium-sized enterprises. *Organization Studies Journal*. 2004;25(2):155–181.
10. Spicer DP, Sadler-Smith E. An examination of the general decision making style questionnaire in two UK samples. *Journal of Managerial Psychology*. 2005;20(2):137–149.
11. Curşeu PL, Schruijer S. Decision styles and rationality: an analysis of the predictive validity of the general decision-making style inventory. *Education and Psychology Measurement Journal*. 2012;72(6):1053–1062. DOI: 10.1177/0013164412448066.
12. Thunholm P. Decision-making style: habit, style or both? *Personality and individual differences Journal*. 2004;36(4):931–944.
13. Lobanov AP. *Intellekt i kognitivnye stili* [Intelligence and cognitive styles]. Orsha: Dial; 2006. Russian.
14. Appelt KC. The decision making individual differences inventory and guidelines for the study of individual differences in judgment and decision-making research. *Judgment and decision Making*. 2011;6(3):252–262.
15. Thunholm P. Social desirability in personality testing of military officers. *Military Psychology*. 2001;13(4):223–234. DOI: 10.1207/S15327876MP1304_3.
16. Thunholm P. Decision-making styles and physiological correlates of negative stress: is there a relation? *Scandinavian Journal of Psychology*. 2008;49(3):213–219. DOI: 10.1111/j.1467-9450.2008.00640.x.
17. Thunholm P. Military leaders and followers – do they have different decision styles? *Scandinavian Journal of Psychology*. 2009;50(4):317–324. DOI: 10.1111/j.1467-9450.2009.00714.x.
18. Gambetti E, Fabbri M, Bensi L, Tonetti L. A contribution to the Italian validation of the general decision-making style inventory. *Personality and individual differences*. 2008;44(4):842–852. DOI: 10.1016/j.paid.2007.10.017.
19. Burlachuk LF. *Slovar'-spravochnik po psikhodiagnostike* [Dictionary-reference book on psychodiagnostics]. Saint Petersburg: Piter; 2007. Russian.
20. Nasledov AD. *SPSS 19: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh* [SPSS 19: Professional Statistical Analysis of Data]. Saint Petersburg: Piter; 2011. Russian.
21. Hunt RG. Cognitive style and decision-making. *Organization Behavior and Human Decision Processes*. 1989;44(3):436–453.
22. Kornilova TV. [Psychology of ambiguity: unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology Journal]. 2013;34(3):89–100. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2018.
Received by editorial board 23.01.2018.